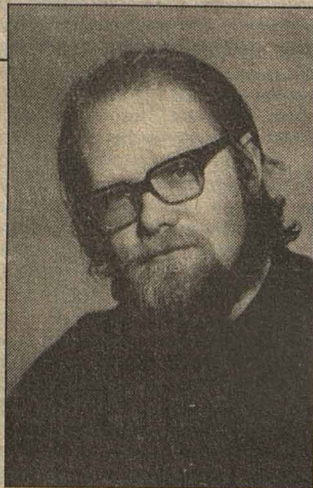

Живописец
Игорь Майоров

Зачем художнику выставка

Поскольку Московский пресс-клуб не имеет в Центральном Доме работников искусств постоянного помещения, то всю свою работу, встречи и заседания он проводит в так называемом Овальном зале дома — том самом, где проходят и вернисажи.

Поэтому вольно или невольно журналисты часто оказываются свидетелями успеха или неуспеха выставок многих московских художников.

Вел. Москва. — 1998. — 20 июля. — С. 6.

Последний романтик России

Валерий ПОВОЛЯЕВ

Последней выставкой нынешнего сезона, практически совпавшей с закрытием дома на летние каникулы, — выставкой, попавшей в поле зрения журналистов и единодушно отмеченной ими как незаурядное явление, — стала выставка живописи Игоря Майорова. Показ картин, который, к нашей общей горечи, имел место уже после смерти художника — при жизни Майоров так и не добился ни персональной выставки, ни признания, ни статей в газетах, он умер, оставив после себя примерно пятнадцать тысяч работ. И это в сорок четыре года! Жить бы ему да жить, работать бы да работать, ан нет — судьба распорядилась по-своему.

Жил Майоров в Питере, где окончил школу при академии, потом — два курса художественного училища имени В. Серова. Живописи он обучался у Евгении Тимм-Блок, близкой родственницы Блока, которая, слава Богу, жива и поныне, и находится в добром здравии, хотя ей уже девяносто с лишним лет. Она говорила своему ученику:

— Игорь, вы не должны быть рабом техники. Пробуйте работать маслом, как акварелью, темперой, как маслом, пастелью, как гуашью, и так далее — и не замыкайтесь в узких рамках какой-то одной техники...

И Игорь стал экспериментировать, сочетать несовместимое, в результате появились очень интересные работы. Неожиданные, ошеломляющие. Портреты, пейзажи — по большей части городские, натюрморты — красочные, неожиданные по цветовым решениям и композиции, иллюстрации к книгам — он очень много и успешно работал. Искал, искал, искал. Сколько жил на белом свете, столько и искал. Достиг таких высот, что сочную реалистическую картину мог написать чем угодно — щепкой, спичкой, пальцем, а акварель — мастихином — грубой стальной лопаточкой, совсем для акварели не приспособленной...

Дружил с Весей — Виктором Веселовским, долгое время возглавлявшим клуб «Двенадцать стульев» «Литературной газеты». И дружба между Игорем и Виктором была крепкой, мужской, несмотря на то, что один жил в Ленинграде, а другой — в Москве. Они — и Веса, и Майоров — словно бы были повязаны одной це-

пью, оба были первопроходцами. Каждый — в своей области.

Как-то Майоров, чувствуя, что работ накопилось достаточно, а выхода к широкому зрителю нет никакого — гнездятся холсты в квартире, пылятся и стареют, — пошел на прием к самому могущественному человеку в Питере — тогдашнему первому секретарю обкома партии: позарез, до стона, до крика была нужна персональная выставка.

Разговора с могущественным человеком (это был Толстиков) не получилось. Толстиков лишь хмуро глянул на Майорова и спросил в лоб, на «ты»:

— А зачем тебе выставка? Ты же не член Союза художников. А?

Да, Майоров не был членом Союза художников, но он работал много сильнее, ярче, самобытнее, чем подавляющее большинство членов Союза, вот ведь как.

Ушел Майоров из огромного, дорого отделанного кабинета с горьким чувством.

С той поры начал выпивать. И... работать еще больше, чем прежде. Он работал, работал, работал. Себя, кстати, не без оснований называл последним романтиком России. Так оно и было. Хотя в нынешнее время, будь он жив, выглядел бы Майоров еще более одиноко и печально, чем в те времена, что ушли в прошлое, ибо тогда еще была жива совесть, а сейчас о такой стыдливой черте человеческого характера почти ничего не слышно.

Потому, наверное, так и привлекают сегодня к себе внимание работы Игоря Майорова. В них присутствует нечто такое, чего ныне уже нет — осталось в дали времени. Люди ныне живут в России иные, чем каких-нибудь десятилетия назад.

Анатолий Баранов, который устроил эту выставку в Москве, в ЦДРИ, сказал мне, когда картины Майорова уже были сняты со стен — их надо было перевозить в другое место:

— Игорь однажды заявил: «Знаешь, старик, всякий человек обязан прочитать в своей жизни пять великих книг, выбрав их из огромного мутного моря макулатуры. Первая книга — это Библия и она обязательна, остальные человек должен найти сам. И от того, найдет он их или нет, и если найдет, то что за книги это будут, зависит, каким он придет к своему жизненному финишу...

Наверное, он и в этом прав, художник Игорь Майоров.